

Поэтические страницы

«Мы дети Космоса»

Имя Александра Леонидовича Чижевского (1897 — 1964) известно многим как имя ученого, впервые исследовавшего влияние космических и в первую очередь солнечных излучений на биологические и социально-исторические процессы, происходящие на Земле, а также как автора работ по аэроионификации.

Однако немногие знают, что выдающийся дар мыслителя-космиста, первопроходца новых направлений в науке он органично и естественно сочетал с дарованиями поэта, художника, музыканта. Незаурядное поэтическое мастерство Александра Чижевского отмечали такие известные его современники, как Валерий Брюсов, Владимир Маяковский, Павел Флоренский. Вячеслав Иванов предсказывал ему «блестящую будущность лирического поэта». Алексей Толстой писал Чижевскому: «...Никто из современных нам поэтов не передает лучше Вас тончайших настроений, вызванных явлениями природы. Со времени Тютчева в этой области большой пробел. Ваши произведения должны заполнить его»¹.

Сегодня, когда мы получили возможность познакомиться с поэтическим наследием А.Л. Чижевского, стало очевидным, что оно составляет необходимое, существенное звено русской духовной культуры XX столетия. Поэзия для Чижевского — это способ познания. Его стихи — живой опыт постижения мира, первосвидетельство поэта о том, что «Земля есть жизнь, исполненная Неба», что в душе человека сошлись «все силы вселенной — пространство, и время, и тонкость материй». Он имел право сказать:

*Великим родственным стихиям
Несу свой выстраданный ямб.*

(«Демосфен». 1941)

«Оттуда, из Космоса, из грандиозных видений шла к нему встречающая — дар Ибраннику — информация»² — о державных космических тайнах, не имеющих названия в нашем одномерном обиходе. «Первобытные шумы» земного бытия несли поэту весть о всеединстве природы.

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. Составление, вступительная статья, примечания Л.Т. Энгельгардт. М., 1998. С. 23 — 24.

² Волков В.А. На земных и космических тропах. Вступительная статья / Чижевский А. В науке я прослыл поэтом... Калуга, 1996. С. 7.

Нестройный шум толпы. Нестройный шум
лесов...

О, в этих первобытных шумах
Есть сходство странное: есть много голосов,
Твердящих об единых думках.
Они — глашатаи неведомых глубин —
Глубин таинственно-единых,
Они — предчувствия всеобщих нам судьбин, —
Мучительно-непостижимых.

(«Гармония мира». 1917)

Стихи космического цикла — «глашатаи неведомых глубин» — главное в поэтическом наследии Чижевского. Пульс Вселенной он сверял с ритмами собственного сердца, ощущая их ликующую слитность:

Я, как и ты, смотря на лучезарный хор,
Стараюсь пристально проникнуть в сочетанья
Живой мозаики, хочу понять узор
Явлений жизненных и звездного сиянья.
Для нас с тобою мир — родное существо,
Столь близкое душе, столь родственно-

простое,

Что наблюдать за ним — для мысли
торжество...

(«Гиппократу». 1915)

Но космос — не только «родственное» сияние светил, это тьмы и бездны смутно-гулких, неизведанных пространств. Преодолевая страх, торжествующая мысль поэта бросает вызов незнанию: «Природа тайн не выдает, Она сама живет тайной, Но гений шествует вперед, Воруя смысл необычайный» («Как страшно жить! Повсюду тень...»). Азарт исследователя горячит кровь, подталкивает к разгадке запредельных смыслов, оживляет древнюю память:

Широко дышит грудь моя,
Как лава, кровь моя бушует,
И тело, древность затая,
Нечеловеческое чует.

(«Чтоб запредельный бросить взор». 1919)

Юность и начало творческой жизни Александра Чижевского, которому суждено было пройти через жестокие испытания века, чтобы пополнить когорту основоположников космического мировоззрения, совпали с временем надежд, «первым хмелем» новых общественных прозрений. Вслушиваясь в «подземную музыку русской

истории», он предощущал озон грозowych перемен, раздвигающих пределы мира:

Как тянет в бездну с высоты!
Как упоительно пространство!
Как рвется вон из-за черты
Живой души непостоянство!

(«Дерзание». 1917)

«В минуты особых состояний, которые поэты издревле называют вдохновением, — писал он в одном из автобиографических очерков, — мне кажется, что мое сердце извергает пламень, который вот-вот вырвется наружу»³. Преодолевая все ограничения, этот пламень творчества («возглас огня») материализовался в стихах Чижевского в живую стихию Космоса — лабораторию энергетических импульсов и ритмов, «скрытых атомных вращений». В их динамической изменчивости и противоборстве он каким-то загадочным зрением и чутьем прочитывал ускользающие от рутинной науки небесные «державные уравнения». Догадка о связи солнечных бурь с физическими факторами исторического процесса — это космическое прозрение Чижевского-поэта, его щедрый дар Чижевскому-ученому.

И вызываю я на пир моих видений
Математических богов,
И стройные ряды державных уравнений
Я передать земле готов.

(«Числа»)

Чижевский был поэтом в науке и проницательным исследователем, мыслителем в поэзии. Его поэтическая мысль свободно существовала в едином пространстве культуры. Размышляя «о мудрости всех элементов пирамиды» и о «премудрости стариков», он пишет:

Ориентируя к звезде
Математические сваи,
Как много понимали те,
Кого мы мало понимаем!

(«Пирамиды». 1943)

В поэзии, как части культуры, «тайна светится до дна». Она опережает выводы науки, «обобщая <...> бесконечное разнообразие нюансов, ускользающих от прокрустова ложа логического анализа»⁴. В ней коренятся изначальные «метафизические истины», побуждающие «болящий от незна-

³ Чижевский А.Л. В науке я прослыл поэтом... М., 1998. С. 12 — 13.

⁴ Чижевский А.Л. Академия поэзии. Проект / Чижевский А.Л. Поэзия. С. 328.

ния мозг»⁵ «вспомнить общий наш язык», постичь непостижимое, недоступное измерениям и формулам, обрести себя в пространстве Духа.

Космос Чижевского — это всеединство всех вселенных, земной истории человечества и внутренней жизни души. «Всевластен лик, глядящий с вышины». Он испытывает человека «двойною бездной»: «С надземной высоты так зрима глубина». И человек сам выбирает, «вдыхать ли мощь небес, крепить жилище духа» — или барахтаться «в человеческой горькой пыли, в глухом человеческом рое». Как и Тютчев, Чижевский в своей поэзии прошел путь от романтического восприятия двуединого равновесного мира к трагическому ощущению двойственности, несоединимости, разъятости всего сущего.

*За ростом человеческого духа
Следит неумолимый зверь — палач
С мечом в руке: он требует расплаты
За краткий взлет в пределы Божества.*
(«Во все века и все народы...»)

В пространстве XX века время, обозначившее старт Духовной революции, оказалось прерванным. К концу 30-х годов мыслитель-космист Александр Чижевский ощутил эту прерванную связь на своей судьбе. В те годы он уже был почетным и действительным членом более тридцати академий, институтов, научных обществ Европы, Америки, Азии. Одного этого оказалось достаточно, чтобы заподозрить его в неблагонадежности. В 1939 году участники Международного конгресса ученых в Нью-Йорке назовут его «Леонардо да Винчи XX столетия», а отечественные пигмеи от науки запишут в «солнцепоклонники» и «мракобесы». Зона свободного научного поиска в Стране Советов неумолимо сокращалась. В январе 1942 года «враг под маской ученого» (так называлась разгромная статья в «Правде») был «разоблачен» и осужден на 8 лет. Ивдельлаг, Карлаг, потом 8 лет ссылки в Караганде.

Вернувшись из ссылки в Москву в 1952 году, Александр Леонидович собирает свои стихи в два машинописных тома. Ему довелось увидеть напечатанными лишь две своих поэтических книги: обе были изданы в Калуге, первая — в 1915 году, вторая — в 1919 году с предисловием автора. И больше у Председателя калужского отделения Всероссийского союза поэтов и литинструктора Александра Чижевского при жизни ни одной книги стихов не вышло.

Сборник А. Чижевского «Стихотворения» увидел свет лишь в 1987 году. В канун столетия со дня его рождения была издана книга «В науке я прослыл поэтом...», а в 1998 году в серии «Сокровища Российские» вышел однотомник «Поэзия».

Поэт брюсовской школы, Чижевский соединял универсальную образованность с высокой культурой стиха, и в этом смысле он был «преемником традиций всех цивилизаций человечества». Но истинная поэзия — категория более высокая, нежели любая цивилизация. Размышляя о космической природе поэзии, Чижевский писал в 1918 году в предисловии к своей второй книге стихов: «Проникновеннейшие искусства — поэзия и ее младшая сестра, музыка, чьи элементы обуславливают красоту стиха, не создаются для временных земных властелинов: они живут в вечности и черпаются из ее пучин стремящимся к новым и новым завоеваниям человечеством»⁶. В стихах Чижевского реализована вся полнота космического мироощущения. «Кровь общая течет по жилам всей вселенной», — пишет он в стихотворении «Гиппократу». И потому космические «смущения духа», «инстинкт пророчески-слепой» борьбы Света с великим хаосом отзываются в судьбах всех поколений человечества. Космос не знает сострадания.

*И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.*
(«Галилей»)

Космическая тоска, пронзительное одиночество «земных детей», жажда обрести близких по духу путников безграничной Вселенной слышится в стихотворении «Привет тебе, небо...» Борьба Света и тьмы, добра и зла в поэзии Чижевского достигает высшего напряжения, «сверхчеловеческого гнева» и «космической неистовости»:

*...То были битвы грозных великанов:
Все мирозданье превращалось в дым.
Во тьме неизмеримых океанов
Метался дух бездомным и нагим.*
(«Космогония Бетховена»)

Собранные вместе, стихи Чижевского подтверждают, что, — если повторить его же слова о «подвижниках свободы», — среди «земных де-

⁵ Чижевский А.Л. Предисловие к сборнику «Тетрадь стихотворений» (Калуга, 1919) / Чижевский А.Л. Поэзия. С. 49.

⁶ Там же.

тей» рождаются «дети Космоса», способные «сделать вызов тлену и смертным часть бессмертья передать». Опытом жизни Александра Леонидовича Чижевского подкреплены горькие строки:

*Мысль получает утверждение,
Когда вся кровью изошла.*

(«Во все века и все народы...»)

Прерванное в XX столетии движение к революции духа он воспринял как злую шутку «хитроумной природы»: ее лик в очередной раз «подернулся гримасой». «Двуличен мир!» — скажет Чижевский в минуту отчаяния.

*Должно быть, жизнь — заведомая пытка —
В зародыше предвидит истязанье:
В развертываньи жизненного свитка
Звучит по миру терпкое страданье...*

(«Мера жизни»)

Но в космосе его поэзии, — где понятия духо-материи и мыслечувствия обретают зримую реальность, — привычные категории пессимизма-оптимизма утрачивают смысл, ибо «мера жизни — это мера Бога».

*...И вот из нового Начала
Гармония иных вселенных
Уму нежданно зазвучала, —
Вселенных энных измерений...*

(«Лобачевский». 1943)

И этому восхождению духа созвучит все, из чего состоит мир:

*В тревожных человеческих сердцах
И в нежной немоте растений
Восходит придорожный прах,
Сверкая в бездне воплощений.*

(«В земную грудь, где тихо и темно». 1921)

Поэзии, был убежден Александр Чижевский, «принадлежит величайшая будущность в освобожденной ею общемировой духовной жизни»⁷. «Направить наш дух в область космических волн и приобщить его к жизни вселенной — вот зада-

ча поэтического творчества»⁸, — писал он в проекте «Академия поэзии» (1918 год). Этот проект, «оставаясь документом удивительной эпохи <...> служит одним из свидетельств поистине возрожденческого духовного универсализма Чижевского»⁹.

Эпиграфы, предпосланные проекту, — «Искусство есть предчувствие грядущей истины» (Габриель Тард) и «Поэзия ставит нас в центре, от которого по всем направлениям идут лучи, соединяющие нас с бесконечностью» (Вильгельм Гумбольдт), — подобно музыкальному камертону, настраивают сознание читателя на космическую волну. «Академия поэзии» — это уникальный эстетический трактат, детально разработанная программа гуманитарного просвещения и нравственного воспитания. «...Благодаря тому, что поэзия является самым доступным искусством, таящимся в сердце каждого в зачаточном состоянии, в будущей культуре человечества она сыграет огромную роль»¹⁰, — снова и снова повторяет Чижевский. Задачу воспитания он понимает просто: «культивировать искусство в душе ребенка». А уж искусство само выполнит свою космическую миссию — «сделает человека человеком». В союзники Александр Чижевский выбирает Льва Толстого. Удрученный состоянием культуры, «поразительным понижением вкуса и здравого смысла читающей публики», Толстой писал, что «просвещение, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будет просвещением, а будет всегда только затемнением и развращением»¹¹.

В начале нового тысячелетия, когда современная наука вплотную подошла к созданию новой картины мира, а в исследованиях ученых все чаще стала появляться аксиоматика метанаучного знания, мысли и идеи Александра Леонидовича Чижевского — ученого, поэта, художника, аккумуляровавшего и обогатившего духовный опыт XX столетия, — звучат как никогда актуально. Духовно-нравственный, мировоззренческий потенциал его научных трудов и поэтических сочинений укрепляет фундамент нового космического мышления, обретающего сегодня вполне реальные контуры.

Рита Вебер

⁷ Чижевский А.Л. Поэзия. М., 1998. С. 49.

⁸ Там же. С. 330.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 325.

¹¹ Там же. С. 338, 322.

Титнократу

Ночные небеса в сияньи тайном звезд
 Роднят меня с тобой сквозь бег тысячелетий.
 Все те ж они, как встарь. И те же миллиарды верст
 Разъединяют нас. А мы — земные дети —
 Глядим в ночной простор с поднятой головой,
 Хотим в сияньи звезд постичь законы мира,
 Соединив в одно их с жизнью роковой
 И тросы протянув от нас до Альтаира.
 Я, как и ты, смотря на лучезарный хор,
 Стараюсь пристально проникнуть в сочетанья
 Живой мозаики, хочу понять узор
 Явлений жизненных и звездного сиянья.
 Для нас с тобою мир — родное существо,
 Столь близкое душе, столь родственно-простое,
 Что наблюдать за ним — для мысли торжество,
 Что радостно будить молчанье вековое
 В туманностях, во мглах, во глубине земной
 И в излучениях — солярном или звездном,
 Вскрывать покрытые глухою пеленой
 Перед невеждами — космические бездны.
 Для нас едино — все: и в малом и большом.
 Кровь общая течет по жилам всей вселенной.
 Ты подошел ко мне, и мыслим мы вдвоем,
 Вне всех времен земных, в отраде вдохновенной
 И вне пространств земных. Бежит под нами мгла,
 Стихии движутся в работе повсеместной,
 Бьет хаос в берег наш; приветлива, светла,
 Глядится жизнь сама из глубины небесной.
 И явственно сквозь бег измышленных времен
 И многомерные, крылатые пространства
 Пронизывает мир незыблемый закон —
 Стихий изменчивых под маской постоянства,
 И вот редет мгла. Из хаоса стремят
 Формотворящие строительные токи,
 Иные времена иным мирам дарят
 И утверждают их движения на сроки.
 И в созиданиях мы чувствуем полней
 Взаимодействие стихий между собою —
 И сопряженное влияние теней,
 Отброшенных на нас вселенскою борьбою.
 Мы дети Космоса. И наш родимый дом
 Так спаян общностью и неразрывно прочен,
 Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
 Что в каждой точке мир — весь мир сосредоточен...
 И жизнь — повсюду жизнь в материи самой,
 В глубинах вещества — от края и до края
 Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
 Страдает и горит, нигде не умолкая.

1915

* * *

О беспредельном этом мире
 В ночной тиши я размышлял,
 А шар земной в живом эфире
 Небесный свод круговращал.

О, как ничтожество земное
 Язвило окрыленный дух!
 О, как величие родное
 Меня охватывало вдруг!

Непостижимое смятенье
 Вне широты и долготы,
 И свет, и головокруженье,
 И воздух горней высоты.

И высота необычайно
 Меня держала на весу,
 И так была доступна тайна,
 Что я весь мир в себе несусь.

Там, притаившись на мгновенье
 В испуге свернутым клубком,
 Трепещут тени, как виденье,
 И снова катятся, как ком!

Они летят стремглав в низины,
 Вытягиваются и дрожат,
 Врезаясь в чащи и стремнины,
 Тревожа сон нагорных стад.

А солнце гонится за ними
 Все дальше, глубже, в тьму долин,
 Вбивая стрелами своими
 Во мрак победоносный клин.

Туман редет вдоль потока,
 И тени мечутся на нем,
 Как бы прибежища у рока
 Ища меж влагой и огнем.

Но луч всесветный, всемогущий,
 Разящий в мраке и во мгле,
 Влетит в последние их кущи
 И тени пригвоздит к земле!

1917

Безмолвие

Безмолвно все: и небо и земля,
Безлюдна отдалений вереница,
В спокойствии, не плача, не моля,
Спит человек, и гад, и лес, и птица.

И в этот мир всеобщей тишины,
Преодолев запретные пороги,
Врываются тревожащие сны,
Слетают прорицающие боги.

Но тихо все, и нем наш разговор...
Часы бегут законно за часами,
А с высоты следит бездонный взор
Холодными и жесткими лучами.
1919

* * *

Миллионы лет минуют для Вселенной,
Как миг один, как миг неуловимый,
Исчезнут солнца, звезды и планеты...
На месте их — другие возродятся,
Изменится картина мироздания...
О, человек, как ты пред этим миром
Своим существованьем мимолетным
Держашь мыслить о своем бессмертии!
Но ты — бессмертен, и смотри на звезды,
Как на друзей — собратьев бытия!
Смелей окинь безбрежное пространство
Пытающим, скоролетящим оком,
Вдохни струю прозрачного эфира, —
Струю любви, рожденную от света
Вселюбящей и благостной Вселенной!..

Ты видишь: там, за дальними морями
Безмерного и сладкого пространства,
В котором тонут все земные взоры,
Живет любовь и движет и мирами,
И солнцами, и звездами — всей жизнью,
Которая от века и до века
Разлилася свободными ручьями,
Дающими начало бытию!..
1919

К.Э. Циолковскому

Привет тебе, небо,
Привет вам, звезды-малютки,
От всего сердца
И помышления.

Вечно вы мерцаете в черно-синем небе
И маните мое одинокое сердце.

Сколько раз, стоя под вашими лучами,
Сняв шляпу и любуясь вами,
Я говорил земными словами
Вдохновенные речи.

И мне порой казалось, что вы понимаете меня
И отвечаете мне своими светло-голубыми
лучами,
Вы — огромные огненные светила.
О жалкое безумие! Разве огонь имеет душу?
Нет, нет — не то...

Но там, где в глубоких ущельях бесконечности
Приютились планеты,
Может быть, там
Такой же жалкий и такой же одинокий странник,
Обнажив голову, простирает руки
К нам, к нашему солнечному миру,
И говорит те же вдохновенные,
Те же вечные слова
Изумления, восторга и тайной надежды.
О, мы понимаем друг друга!
Привет тебе, далекий брат во Вселенной!
1919

Бесконечности

Даны нам бесконечности на небе:
Пространство взвездное бесконечно,
И звезд числа вовек не перечеть.
А на земном пределе беспредельны:
Пучиной вод — моря и океаны,
Песком зыбучим — жгучие пустыни
И жгучей скорбью — сердце человека.
18.02.1943.

Материя

Неведомо и нам ответа нет.
И только в смутном отдалении
Сквозь пустоту томится бег планет,
Живущих день, блистающих мгновение.

Но где б ни вышла ты из темноты
Великолепными колоссами, —
Ты к нам летишь и нас тревожишь ты
От века не решенными вопросами.

Один вопрос в устах или вне уст:
Тоска по тьме исчезновения, —
И все горит, страдая, древний куст
От первых до последних дней творения.

Так! От себя нам некуда уйти,
Как нам не скрыться от страдания.
О, Мать-Материя, — трудны пути
На высоту Мирознания.

1922

Стихия тьмы

Течет таинственно живущего вода
Из вечной темноты в Земли ночное устье,
Свет — мимолетный миг, а вечность — темнота,
И в этой темноте томящее предчувствие.

Там Солнце черное на черных небесах
Свой испускает свет, невидимый и черный,
И в черной пустоте на черных же лучах
Летит в пространство весть о мощи необорной.

Там реки черные медлительно текут,
Меж черных берегов волнуются и плещут,
И зыби черные по лону вод бегут
И блики черные в невидимое мещут.

И мы все бродим там — мы те же и не те,
Как бродят призраки, видения, фантомы;
О, двойственная жизнь — очами в светлоте,
А умозрением — во мраке незнакомом.

Тьма, тьма везде! Эреб! Зияющая тьма!
Круженье черных звезд и черных электронов.
В фантазмагории — безумие ума,
Но в том безумии — неистовство законов.

26.04.1943.

* * *

Бегут века... Минуют поколенья,
И жизнь людей изменится совсем...
Но где-нибудь сойдутся снова души,
Которые так пламенно любили,
Иль пыльцею от розы ароматной,
Иль от акации, что душу сладко
Баюкает на волнах тихоструйных, —
И встретятся, и вновь узнают друга,
Упьются вновь любовью великой,
Изведуют великое блаженство,
Расставшись вновь, когда минет их лето!..
Бегут века... Давно исчезли люди...
Потухло Солнце... Многие те звезды,
Которые так ласково сияли
Над душами на сгнувшей Земле,
Исчезнут тоже... И родятся снова
В далекой и чудесной стороне
Всеблагостной Владычицы-Вселенной...

1919

Космогония Бетховена

Глухой Бетховен исступлений сладость
В неистовой душе воссоздавал:
Необозримые печаль и радость
В космическом значении Начал...

И раскрывались солнечные дали,
Благоволением просветлены.
И птицы в полдень майский щебетали
На лоне Дионисовой весны.

И в небе золотистом и сапфирном
Цвела неповторимая страна,
И счастьем неизведанным, всемирным
Душа была вполне напоена.

Но тьма звучала дьявольским напевом,
И демоны свой поднимали рев,
Сверхчеловеческим гневилась гневом
Стихия зла у адских берегов.

И жег огонь страстей и вожделий
Живые души, и язык огня
Победные созвучья песнопений
Бросал в наш мир, мажорами звеня.

То были битвы грозных великанов:
Все мирозданье превращалось в дым.
Во тьме неизмеримых океанов
Метался дух бездомным и нагим.

И бредил дух пифийским страшным бредом,
И ясен был осуществленный бред:
Мир восходил к неведомым победам,
Но никогда не достигал побед.

И снова в мрак, зияющий, безлунный
Мир упал в определенный час:
В глухой тоске томились сердца струны,
Зловещим хаосом разило нас...

Сквозь долгий строй земных тысячелетий
Созвучья древние услышал он,
И чуждым стал в бесстрастном нашем свете
В пафос иной Вселенной погружен.

Так он вещал из молчаливой бездны,
Насыщенной звучаньем скрытых сфер,
Гармонией тех вихрей многозвездных,
Где борются Христос и Люцифер.

1943

Сванте А. Аррениусу

Не потому ль спокойна так природа,
Не оттого ль безумствуем мы так,
Что мраку мысли не видать исхода,
Вселенной же неведом этот мрак.

В ней все так просто, лучезарно-ясно:
Рождение! Смерть! — Блаженный мир во всем.
И вопль души, неистовой и страстной,
Увы, смешон пред вечным торжеством.

1920

